

17 (30) июня

Преподобноисповедник Максим (Попов)

Преподобноисповедник Максим родился 17 июня 1876 года в селе Большой Сурмет Бугурусланского уезда Самарской губернии в семье богатого мордовского крестьянина Григория Степановича Попова и в крещении наречен был Мефодием. Григорий Степанович был попечителем строящегося в селе храма во имя святых бессребреников Космы и Дамиана. В семье неукоснительно исполнялся церковный устав, и своих детей – троих сыновей и двух дочерей он воспитал в вере и благочестии. Все дети получили образование в церковно-приходской школе при местном храме. Впоследствии два его сына, Николай и Мефодий, стали священниками, а дочери, Матрона и Евдокия, приняли монашеский постриг во Владимирском Каменском монастыре Уфимской епархии.

В 1900 году Мефодий женился на крестьянке Елене Тимофеевне Поляковой, и у них родилось шестеро детей: первый ребенок родился в 1902 году, последний – в 1916-м.

В 1915 году Григорий Степанович разделил между сыновьями семейный надел – земли и хозяйство. Всем сыновьям было отстроено по большому деревянному дому в девять окон, выделен скот и хозяйственный инвентарь. Дочерям – Матроне (инокине Марии) и Евдокии (монахине Августе) и племяннице Евдокии (инокине Елизавете) Григорий Степанович выстроил дом во Владимирском Каменском монастыре. Мефодию досталось около двадцати лошадей, коровы и овцы; возделывая землю, он сеял пшеницу, рожь, просо, овес.

Выросши в благочестивой семье, Мефодий был человеком богобоязненным и смиренным и часто совершал паломничества к православным святыням. По обычаю тех лет паломничества были обетными и были сопряжены с нелегким трудом. С собой Мефодий брал лишь мешок сухарей и несколько пар лаптей. Паломничество в Киев заняло у него около полугода. В дороге он останавливался в домах верующих людей, которые с евангельской добротой принимали странников, беседовал со многими людьми, некоторые из них были настоящими подвижниками.

Ревнуя о благочестии, Мефодий подолгу молился, читал акафисты, каноны, Псалтирь, стараясь подчинить весь строй своей жизни служению Господу. В его семье настольными книгами были жития святых и Закон Божий; неугасимо горела лампада перед иконой Божией Матери «Умиление». За благочестивую и строгую жизнь крестьяне относились к Мефодию с большим уважением, как к данному им Богом праведнику, и часто обращались к нему за молитвенной поддержкой, материальной помощью и советом.

В Космодемьяновской церкви служил тогда священник Лука. Человек музыкально одаренный, он организовал в селе прекрасный церковный хор, в котором пела племянница Григория Степановича, Евфросинья. В свое время она была выдана замуж, но в замужестве пробыла один день, вернулась к родным и стала петь и читать в храме, и хотя монашеский постриг не приняла, но прожила всю жизнь как монахиня.

В начале двадцатых годов власти закрыли Космодемьяновский храм, и священник уехал; вместо него неизвестно откуда приехал некий человек,

назвавшийся священником, и начал служить. Службу он знал хорошо, но, сдружившись с местным начальством, вел себя в отношении нравственном не вполне как священник; народ прозвал его Вахиткой и все чаще стал высказывать подозрения, что, может быть, пришелец и не является вовсе священником. Выяснить правду в епархию был отправлен Мефодий Григорьевич. Прежде чем ехать, он отобрал у самозванца ключи от церкви и запретил ему служить до его возвращения. Все подозрения в самозванстве подтвердились, и Мефодий Григорьевич, вернувшись домой, объявил о том крестьянам, официального же документа об этом он не привез, и Вахитка, хотя и перестал служить, но продолжал жить в селе; Мефодий Григорьевич снова отправился в епархию и привез официальный документ, после чего самозванец покинул село.

*Мефодий Григорьевич Попов с родственницами,
насельницами Владимирского Каменского монастыря*

Авторитет Мефодия Григорьевича среди крестьян был настолько высок, что этим решили воспользоваться проживавшие в соседней деревне Булатовка мормоны. Они несколько раз приезжали к Мефодию Григорьевичу домой с целью убедить его пристать к их секте, предполагая, что если под давлением гонений на православие он к ним перейдет, то за ним уйдет в секту и большинство местного населения. Мефодий Григорьевич всякий раз терпеливо, но твердо им возражал, и в конце концов они перестали его посещать, убедившись в безуспешности своих попыток совратить его с правого пути.

В 1921 году в Поволжье разразился голод, а вслед за ним началась эпидемия тифа. Весной 1922 года от тифа скончался Григорий Степанович, на Пасху умерла супруга Мефодия Григорьевича Елена Тимофеевна, в это время был при смерти и он сам. Когда хоронили супругу, Мефодий Григорьевич был без сознания, и родственники уже не надеялись, что он выживет. Но Господь

благочестивому человеку уготовил иное – увенчивающий благочестие венец исповедничества. Чудом, не прибегая к врачебной помощи, он выздоровел и стал еще усердней молиться, ожидая, какой жребий уготован ему будет Господом. Дочь и двоих несовершеннолетних сыновей взяла на свое попечение семья старшего сына, а младшую дочь, Клавдию, которой было тогда всего шесть лет, Мефодий Григорьевич отвез в монастырь к своим сестрам; монахиня Августа в монастыре несла послушание алтарницы и пчеловода, инокиня Мария была звонарем и убиралась в храме, а их двоюродная сестра, инокиня Елизавета, была экономкой в обители. Все они жили в просторном доме, построенном Григорием Степановичем. В этом доме лили свечи и пекли просфоры, и всегда здесь стоял чудный запах меда и хлеба.

Летом 1926 года епископ Давлекановский Иоанн (Поярков), временно управляющий Уфимской епархией, постриг Мефодия Григорьевича в монашество с именем Максим и рукоположил во иеромонаха ко храму Сергиевского женского монастыря, находившегося в десяти километрах от города Белебея. Монастырь располагался в живописном месте в сосновом бору на горе: в центре обители стоял деревянный храм, вокруг него одноэтажные и двухэтажные здания келий, вся территория монастыря была огорожена деревянной оградой.

Зимой 1927-1928 годов власти распорядились закрыть монастырь, заявив, что сюда будут свезены беспризорники и организована колония по примеру колонии Макаренко. Разрешено было остаться только священнику и десяти монахиням для совершения церковных служб для жителей округи. Им разрешили поселиться в двух сторожках при храме. Скучное продовольствие и дрова привозили крестьяне, пищу насельницы готовили на костре, но вполне были довольны судьбой, а главным образом службой Божией в храме.

Весной 1928 года в монастырь привезли колонистов, директором колонии был назначен татарин. Однажды среди ночи колонисты разбили стекло в алтарном окне, стянули покрывало с жертвенника, опрокинули священные сосуды и вытащили антиминос, который затем бесследно исчез. Это было большое горе для всех, так как без антиминоса нельзя было совершать литургию. Отец Максим, нимало не медля, на рассвете того же дня отправился пешком в Белебей, где настоятель городского собора дал ему антиминос из бывшего тюремного храма. И служба возобновилась.

В декабре 1929 года директор колонии объявил, что церковной службы больше не будет и все монашествующие должны покинуть территорию колонии. Одна из монахинь ударила в набат, и из ближайших деревень прибежали крестьяне. В их присутствии директор колонии заявил, что позволит только священнику ради его детей взять некоторые вещи и кое-что из продуктов, монахиням же ничего не разрешит взять с собой. В ту же ночь все они были вынуждены покинуть обитель.

Иеромонаха Максима в феврале 1930 года назначили служить в Ильинский храм в селе Рябаш Приютовской волости Белебеевского кантона Башкирской АССР; здесь большинство крестьян еще оставались православными. Храм был просторным и содержался в прекрасном состоянии, и на клиросе пел большой хор. Время поста жители села проводили в молитве, и в селе тогда не было слышно ни песен, ни звуков веселых гуляний. Иеромонах Максим в первую неделю Великого поста, с понедельника до пятницы, не вкушал никакой пищи, также строго он постился и в Страстную седмицу, вполне удовлетворяясь тем, что давала ему служба в храме, насыщавшая его довольно молитвой. Поселился отец

Максим с младшей дочерью Клавдией сначала в доме, где жила старая и больная вдова, супруга прежнего священника, а затем они жили у прихожан, поочередно предоставлявших в своих домах приют пастырю.

Служил отец Максим проникновенно; слушая его проповеди, многие плакали. В храме после литургии священник служил молебны, панихиды, акафисты, возвращаясь, бывало, домой лишь около четырех часов дня. Во время постов все прихожане исповедовались, стараясь очиститься от грехов, и исповеди шли здесь подолгу, так как священник никого не торопил.

Особо проходили в селе праздники Тихвинской иконы Божией Матери и святого пророка Илии. На Тихвинскую в храм сходилось столько народа из других селений, что не хватало места в домах, и люди располагались на ночлег на пустошах между домами. По окончании литургии Тихвинскую икону Божией Матери несли вместе с другими иконами в часовню, расположенную в березовой роще на берегу реки Рябаш, и здесь почти до вечера служились молебны. Накануне праздника с 12 часов ночи и до 5 часов утра народ молился в часовне, где читались и пелись акафисты.

11 июня 1931 года отец Максим с прихожанами отправились в Белебей, куда они были приглашены в храм на праздник. По приезде в Белебей отец Максим с монахиней пошли покупать сукно и ситец, его дочь Клавдия отправилась купить съестного, а приехавшие с ними крестьяне разбрелись по рынку. Когда священник с монахиней остались одни, к ним подошел корреспондент газеты «Пролетарская мысль» и стал слушать, о чем они говорят. Разговор их показался ему подозрительным, и он тут же сообщил о нем в милицию. «Поп для меня оставался неизвестным, – показал он на следующий день на следствии, – но для выяснения и принятия соответствующих мер я поставил в известность милиционера, который и забрал вышеуказанного попа и монашку».

Когда Клавдия минут через двадцать возвратилась на площадь, здесь никого уже не было. Незнакомая женщина сообщила ей, что священника и монахиню забрали в тюрьму.

Девочка поспешила к тюрьме. Служебные помещения были наполнены молодыми милиционерами; узнав, что Клавдия дочь священника, они стали ее дразнить. Клавдия спросила, где находится ее отец, но ответа не получила, лишь один показал взглядом вверх, тем давая понять, чтобы она поднялась на второй этаж к начальнику. Начальник сказал, что ее отец находится здесь, в камере предварительного заключения.

Она спустилась вниз, плакала, но не уходила, и один из служащих тюрьмы, подметавший в то время пол, приблизившись к ней, прошептал: «Утром к шести часам приходи и увидишься».

На следующий день Клавдия увиделась с отцом. Отец Максим в то время еще не знал, почему арестован, и лишь сказал дочери: «Иди домой, реже сюда ходи, будь осторожней, живи пока на месте».

Дочь священника два раза в неделю носила в тюрьму передачи, состоявшие из хлеба и молока. Хлеб, прежде чем взять, разрезали, молоко переливали в кружку. Отдав передачу, Клавдия становилась напротив тюремных ворот и не уходила до тех пор, пока не увидит отца. Когда ворота, через которые возили воду для арестованных, открывались, заключенные собирались во дворе в надежде увидеть кого-либо из родных. Отец Максим становился недалеко от

ворот и, завидев дочь, махал ей рукой, и та уходила довольная, что они повидались.

Стали вызываться свидетели, которые показали, что священник вел себя в селе очень скромно и сумел завоевать среди крестьян авторитет; он возобновил ежедневную службу и часто в проповедях говорил о безвинных страданиях Христа, многие верующие от умиления плакали и с пробудившимся в душе покаянным чувством возвращались домой. Сверх того, что священник проповедовал в церкви, он по вечерам приглашал к себе крестьян и с ними читал Библию, указывал на трудные времена, которые теперь приходится переживать, говорил, что нужно терпеть, что скоро всему этому будет конец, что придет Христос для Страшного Суда.

По требованию ОГПУ председатель сельсовета дал справку на священника, написав, что отец Максим «прибыл в село Рябаш... с семейством в количестве трех человек... из Сергиевского монастыря... принес имущество... верхнюю и нижнюю одежду по три комплекта и обуви по четыре комплекта».

На допросе он показал, что «Мефодий Попов повел себя очень скромно, чем сумел завоевать авторитет духовного отца и возбудить чувства верующих к вере в Бога... Когда сельсовет запросил от него сведения о числе верующих по приходу на предмет перерегистрации договора... Мефодий Попов, получив это от сельсовета, послал членов церковного совета по деревням обойти дворы и велел переписать верующих и неверующих, причем заставляли расписываться в том и в другом случае, т.е. веришь – распишись и не веришь – распишись. В результате в колхозах... перепугались, и начались разговоры среди колхозников, что только успели записаться в колхоз, а тут – нате вот, уже спрашивают, верую ли я в Бога. И той антисоветской агитацией путем возбуждения религиозных чувств верующих против существующей и проводимой политики партии и советской власти Мефодий Попов занимался систематически».

Была допрошена арестованная вместе со священником монахиня; она показала, что приехала вместе с другими на праздник Табынской иконы Божией Матери, что остановились они на площади у базара, где она увидела свою знакомую и «стала разговаривать про жизнь... как она живет... как я живу. Я ей обсказывала, что на меня был налог... что мне заплатить налог не в силах и... меня за неуплату налога описали на первый день Пасхи, а потом после Пасхи... все склади и увезли; жаловалась ей, что оставил меня без хлеба сельсовет, т.е. советская власть... но живется мне покуда хорошо, слава Богу».

Вызванный на допрос отец Максим показал: «Нигде никогда я о политике не рассуждал; на молениях и на проповедях я против мероприятий советской власти не выступал. Приехал в Белебей 11 июля на праздник Табынской иконы Божией Матери; до моления походил по базару, купил сукна и ситцу, после чего меня милиция арестовала, я сам не знаю за что. Виновным себя ни в чем не считаю».

В ОГПУ отцу Максиму сказали, что освободят его, если он согласится во время службы в храме публично отречься от Бога. Отец Максим ответил, что готов на любые мучения, но от Бога не отречется. Сотрудники ОГПУ все же надеялись, что им удастся уговорить на публичное выступление смиренного священника, тем более что у него на свободе оставалась малолетняя дочь, и, не дожидаясь его согласия, через работника сельсовета объявили, что в ближайшее воскресенье привезут отца Максима и состоится служба. Народу в этот день собралось со всей округи великое множество, все долго ждали, но священника так и не привезли.

9 октября 1931 года дело было закончено. Отца Максима обвинили в том, что он «систематически противодействовал мероприятиям партии и правительства, в церкви произносил проповеди, направленные против колхозного строительства... в результате агитации из колхоза получился большой отлив, из 40 хозяйств вышли 24 хозяйства».

25 октября тройка ОГПУ приговорила иеромонаха Максима к пяти годам ссылки в Северный край. В последних числах октября из Белебея на станцию Аксаково погнали пешим этапом большую группу осужденных, были люди и из прихода в Рябаше. Один из них крикнул прохожему: «Сообщите в Рябаш дочери батюшки».

Весть, что отца отправляют, дошла до Клавдии вечером того же дня; она быстро добралась до маленького полустанка, откуда до станции Аксаково было еще километров двадцать; на полустанке в этот день дежурил друг отца Максима. Он позвонил своему брату, начальнику аксаковского вокзала, который распорядился остановить скорый поезд на полустанке, где тот по расписанию не должен был останавливаться; Клавдию посадили в вагон, и к двум часам ночи она оказалась в Аксакове. В помещении вокзала осужденные спали на полу, со всех сторон огороженные скамейками, как скотина в загоне. Здесь же на полу спал и священник. Заключенные разбудили его и сообщили, что дочь его здесь. Отец Максим сел на скамью, и с двух часов ночи до шести утра они пробеседовали. Утром охрану усилили, и разговаривать удавалось лишь с перерывами. Отец рассказал о том, что было в тюрьме, как заставляли его отречься от Бога, и наказал дочери, чтобы она всегда была с Богом.

Беседа их продолжалась до трех часов дня; в три часа подали состав с зарешеченными окнами. Заключенных построили в шеренгу, вывели на перрон и погнали к вагонам. Отец Максим чуть задержался, чтобы оказаться в последней группе и в последний раз увидеть дорогое ему лицо. Народ стоял кругом молча и плакал.

Клавдия в сумерках вернулась в Рябаш, но домой не пошла, а переночевала у знакомых, и когда утром пришла домой, оказалось, что ночью приходили сотрудники ОГПУ, чтобы ее арестовать, и произвели в доме обыск; через несколько дней они снова пришли, когда Клавдии также не было дома, и снова произвели обыск: забрали фотографии и письма. Местный депутат посоветовал ей, чтобы она немедленно уезжала, если не хочет быть арестованной, и Клавдия собрала вещи и уехала к старшей сестре.

Весной 1932 года дети отца Максима получили от него первое письмо из деревни Наволочек Холмогорского района Архангельской области. Он писал, что живут они в бараках, кругом на 60-80 километров болота, недалеко от них протекает Северная Двина. «Оставайтесь людьми, – наказывал им отец. – Первыми вам не быть, не будьте последними; не забывайте, чьи вы дети, живите с Богом».

Весной 1934 года во время половодья Северная Двина разлилась больше обычного и затопила бараки; ссыльные, спасаясь на крышах, терпели стужу и голод. Отец Максим тяжело заболел, и власти разрешили, чтобы кто-нибудь из родных приехал за ним и взял домой. Но в это время почти все родные его были арестованы или находились в ссылках, ехать было некому, а у младшей дочери на поездку не было средств. Священника взял к себе в дом верующий житель деревни Наволочек по фамилии Маслов. Иеромонах Максим (Попов) скончался в

его доме, сподобившись мирной христианской кончины и христианского погребения.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Июнь». Тверь. 2008. С. 355-364